

ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ¹

Казимир Твардовский

Речь, произнесённая на торжестве по случаю
двадцатипятилетия Польского философского общества
во Львове 12 февраля 1929 года²
(Фрагмент)³

(...) Наше Общество можно было бы обвинить [в том] ... что, будучи философским обществом, оно чересчур мало или, пожалуй, вообще не занимается вопросами взгляда на мир и жизнь. Ведь это – мог бы сказать кто-нибудь – самая важная сторона надлежащим образом осознанной философской работы, поскольку формированию такого взгляда служили и служат самые напряжённые творческие усилия самых выдающихся философов всех времён. А кто же станет отрицать, что нужда в философском взгляде на мир и жизнь всё более ощущается и в нашем обществе? Доказательством этого является тот факт, что и у нас возникли отдельные сообщества, посвятившие себя формированию определённых взглядов на мир и жизнь или стремящиеся облегчить их выработку своим членам. Эти устремления должны искать для себя успокоения вне Польского философского общества, которое таким образом не выполняет, возможно, самого важного из возложенных на него заданий.

Дело философского взгляда на мир и жизнь несомненно является делом неизмеримо важным для каждого, кому не хватает традиционного религиозного взгляда и кто вместе с тем не умеет смотреть на мир и бездумно идти по жизни. Но разве может заниматься распространением какого-либо философского, то есть метафизического, взгляда на мир и жизнь организация, обладающая и стремящаяся сохранить характер научного общества, посвящённого исключительно методической научной работе? Может ли быть объединением приверженцев определённой метафизической системы общество, которое, будучи основанным в сотую годовщину смерти Иммануила Канта, выбрало для себя в качестве главного принципа научный критицизм, как я имел честь отме-

¹ Заглавие от редактора.

² Перевод осуществлён по изданию: Kazimierz Twardowski. *Wybrane pisma filozoficzne*. Warszawa, PWN, 1965. S. 379–384.

³ Казимир Твардовский был не только основателем Польского философского общества, но и его бессменным председателем. Поэтому начальная часть его юбилейной речи посвящена организационным вопросам за отчётный период и изобилует статистическими данными, отображающими работу Общества за последние 25 лет.

тить это 25 лет тому назад, выступая на торжественном открытии Польского философского общества. Разве научный критицизм не исключает принятия и распространения взглядов, претендующих на то, чтобы содержать окончательный ответ на наиболее трудные вопросы, стоящие перед человеком? На вопросы, относящиеся к сущности, началу и цели всякого бытия, а также касающиеся предназначения человека? Разве можно какой-либо ответ на эти вопросы обосновать научными методами, сделать правдоподобным при помощи логической аргументации? Как кажется, между философским, то есть метафизическим, взглядом на мир и наукой зияет непреодолимая пропасть, как это ещё до Канта и убедительнее, нежели он, обозначил среди прочих Давид Юм. Поэтому наше Общество, намереваясь занять научную позицию, действительно не может удовлетворить потребность тех лиц, которым ближе к сердцу главным образом поиск взгляда на мир или его философское, то есть метафизическое, обоснование.

Но, исходя из такого положения дел, нельзя ни обвинять Общество, ни делать выводы о позиции, которую отдельные его члены занимают в вопросе философского взгляда на мир. Ведь, как кажется, отношение философского взгляда на жизнь и науки не является столь простым, как иногда считают его противники, выступая во имя методической точности и против того, что они считают претензией человеческого разума, превышающего предназначенные ему границы познания. Те, кто попросту предполагают неприязнь между философским взглядом на жизнь и наукой, выполняют только одно из предостережений Иммануила Канта, а именно предостережение о том, чтобы не попасть в сети догматизма; они, однако, не помнят о втором предостережении, а именно о том, чтобы, избегая догматизма, не попасть в объятия скептицизма. Известно, каким образом Кант старался обойти этот скептицизм, грозящий каждому, кто не желает быть догматиком: отказавши разуму, в обычном значении этого слова, в способности нахождения ответа на вопрос о взгляде на мир и жизнь, он принял наряду с этим разумом, который назвал теоретическим, некий иной разум, названный им практическим разумом. И именно из этого практического «разума» человек, согласно Канту, черпает взгляд на мир и жизнь, проявляющийся в принятии существования Бога, бессмертия души, свободы воли. В своём методе Кант не одинок. Задолго до него некоторые философы наряду с рациональным путём допускали некие иные пути, ведущие к убеждению, считающемуся у них знанием: Платон говорил об обозрении идеи, Плотин – об экстазе; после Канта также хватало приверженцев «интеллектуального обозрения», «интуиции» и т. п. Но как бы мы ни называли эти внерациональные источники убеждений, они всегда находятся вне разума, поэтому почерпнутые из них убеждения всегда будут вне-разумными, т. е. иррациональными, а тем самым, эти убеждения, даже если бы они и создавали знание, не будут иметь научного характера, тогда как это знание не будет наукой. Здесь нет места для

аргументации – тому, кто не убеждён, остаётся единственно сказать «смотри» или «слушай», а кто, глядя, не видит или, слушая, не слышит, над тем можно сжалиться, но убедить его нельзя.

Однако фактом остаётся то, что ненаучные и не проистекающие из разума убеждения существуют, и можно даже смело утверждать, что подавляющее большинство убеждений, разделяемых человеком, – это именно такие иррациональные убеждения, что, вообще говоря, ещё не значит, что они не рациональны. То, что склоняет человека к принятию и разделению такого вида убеждений, является некоторым интеллектуальным инстинктом, личным переживанием, рациональным навыком, привязанностью и прочими эмоциональными моментами. Когда речь идёт, например, о политических убеждениях, такие влияния, несомненно, воздействуют. В вопросе о принадлежности к тому или иному политическому течению логические доводы только по видимости являются решающими – они исполняют весьма скромную роль, тогда как главную роль здесь играют эмоциональные факторы. Схожим образом дело обстоит и тогда, когда речь заходит о взгляде на мир и жизнь. Одному лучше «соответствует» этот, другому – иной взгляд; однако никто не может доказать правильность своего и ошибочность чужого взгляда путём научной аргументации, поскольку эта ошибочность не следует из отягчающих некий взгляд внутренних противоречий или из его несогласованности с установленными результатами научных исследований.

Несмотря на это, философские взгляды на мир и жизнь для тех или иных приверженцев имеют большую ценность, образуя путеводители для ориентации в мире, людском окружении и в самих себе. И каждый имеет право принять взгляд на мир и жизнь, который ему «подходит», при условии, что этот взгляд свободен от внутренних противоречий, согласуется с наукой и при этом удобопонятен; для кого-то такой взгляд может быть весьма полезным, предreshая, например, его судьбу. Нужно только помнить, что такой взгляд является личным делом того, кто его признаёт, и невозможно продемонстрировать его объективные достоинства, поскольку он вообще не имеет характера знания, а тем более знания научного. Отсюда проистекают два следствия. *Во-первых*, культивирование такого личного, хотя, возможно, не собственного, но от иных принятого, взгляда на мир и жизнь вовсе не должно входить в коллизию с методической исследовательской работой, направленной на [достижение] объективных знаний в области философских наук, к которым мы относим, например, логику и психологию, отделяя их от философии в значении метафизики; поэтому и в научной разработке таких философских проблем, которые входят в сферу логики, психологии и т. п., могут принимать участие приверженцы различных философских систем в значении метафизических взглядов на мир и жизнь. *Во-вторых*, поскольку убеждения, составляющие философский, т. е. метафизический, взгляд на мир и жизнь, не содержат объективное знание, поскольку они не явля-

ются познанием, поэтому и не следует для этого якобы знания искать и высматривать особые источники в тех или иных названных способностях человека, находящихся вне разума, – в «практическом разуме», «интуиции» и тому подобных вещах. Каким образом эти иррациональные убеждения возникают, об этом нам в принципе говорит психология, но, объясняя генезис, она вовсе не обнаруживает их объективные черты.

Представленный здесь способ отношения философского, т. е. метафизического, взгляда на мир и жизнь как комплекса определённых личных убеждений к объективному, а особенно научному, знанию мог бы столкнуться с обвинением, что он является искусственной конструкцией, не имеющей отношения к действительности. Ведь любые наши убеждения претендуют на объективность, поэтому мы и не можем, обладая каким-либо взглядом на мир и жизнь, считать его правильным только для самих себя и отказывать ему в характере знания. Ибо, как известно, *во-первых*, непризнание за неким взглядом объективной ценности не равнозначно утверждению, что тот, кто его разделяет, не приписывает ему такой ценности. А *во-вторых*, можно, приписывая своему собственному взгляду объективную ценность, безотносительную истинность, всё же считать его личным взглядом в том смысле, что, признавая невозможность логически доказать эту истинность, тем самым признавать невозможность принуждения других к принятию этого взгляда.

Таким образом, критицизм не обращает внимания на такие личные взгляды на мир и жизнь, считая их личным делом индивидов, которые разделяют эти взгляды. Критицизм повышает голос, чтобы побороть убеждение, якобы человеческий разум способен сформировать такой взгляд на мир и жизнь, который был бы научно обоснован, а тем самым обладал несомненной научной ценностью. Принимая же тезис, что человеческий разум такой способностью не обладает, критицизм в принципе ведёт к скептицизму, согласно которому все попытки формирования такого научного, основанного на разуме взгляда на мир и жизнь загодя обречены на неудачу. Исходя из этого положения, критицизм считает все метафизические системы выдумками, с которыми наука не имеет и не может иметь ничего общего.

Но действительно ли такая позиция научного критицизма по отношению ко всякому без исключения философскому, то есть метафизическому, взгляду на мир и жизнь верна? Конечно, философский взгляд на мир и жизнь является уже хотя бы потому ненаучным, что формируется без научной точности и не допускает логического обоснования. Но действительно ли наука пренебрегает подобными взглядами и, делая это, поступает правильно? Существуют области, в которых это не имеет места. Существует, например, народная медицина, имеет место ряд мнений по поводу эффективности некоторых процедур, трав или других лекарств. У этих взглядов отчётливо ненаучный характер – те, кто признаёт, не умеют ни надлежащим образом их сформулировать, ни методически обосно-

вать. Однако в этой народной медицине содержится немало зёрен истины, которые научная медицина со временем обнаруживает и далее – если можно так сказать – делает их научными и присваивает в качестве добычи, [пополняя тем самым] сокровищницу своего наиболее точного объективного знания. Следовательно, народная медицина не лишена ценности для научной медицины, поэтому эту медицину нельзя назвать ненаучной в том смысле, что она совершенно противна науке; ведь будучи ненаучной, прежде всего с точки зрения научной методологии, она является одновременно преднаучной, поскольку представляет собой более раннюю, нежели научная медицина, стадию развития взглядов на медицину. Можно привести и другие примеры, но достаточно указать на первобытные народные правовые взгляды в сравнении с юриспруденцией или народные предсказания погоды сравнительно с научными метеорологическими прогнозами. Во всех этих случаях мы имеем дело со взглядами несомненно ненаучными, но несомненно также и преднаучными, часть которых, возможно, весьма значительную, наука на протяжении своего развития отбросит, но другую часть со временем начнёт признавать, а признав – присвоит. Однако, прежде чем наука выскажется, человек уже пользуется преднаучными взглядами в тех случаях, когда ему ещё не хватает научных взглядов, хотя в них и чувствуется неистребимая потребность.

Итак, многое свидетельствует в пользу того, что аналогичным образом можно смотреть на отношение философских, т. е. метафизических, взглядов на мир и жизнь к идеалу, каковым является научный взгляд на мир. С этой точки зрения метафизические системы представляются как нечто действительно ненаучное, но вместе с тем как преднаучное, а значит, как то, что наука не должна без исключения осуждать или чем она может пренебречь. Ведь в этих ненаучных взглядах на мир и жизнь может содержаться не одна истина, для которой нужно только научное воплощение, чтобы стала очевидной вся её значимость. Это научное воплощение истин, содержащихся в метафизических системах, не может быть осуществлено с позиции научного взгляда на мир и жизнь, поскольку таким взглядом мы не обладаем; поэтому это дело специальных дисциплин в соответствии с их проблематикой вырабатывать понятия и конкретные утверждения. История наук демонстрирует нам примеры в отношении метафизики – достаточно вспомнить о Демокритовом понятии атома и аристотелевских понятиях акта и потенции, ставших научными благодаря физике, или о лейбницевской концепции, изначально метафизической, неосознанных психических фактов, ставших затем научными благодаря психологии. Совершая научную обработку определённых взглядов, первоначально метафизических, отдельные науки одновременно сотрудничают в деле построения научного взгляда на мир и жизнь, а поскольку к такому научному взгляду стремятся и сами создатели метафизических воззрений – в той мере, в какой в своих помыслах они считаются с результатами специальных научных исследований, –

постольку таким образом возникает некая взаимность: специальные науки черпают определённые идеи, понятия, утверждения из метафизических систем, а метафизические системы получают обратно идеи, понятия, утверждения от этих дисциплин в научном виде. По мере того как этот процесс будет продвигаться вперёд, философский взгляд на мир и жизнь будет всё более отделяться от ненаучной и преднаучной стадии и постепенно приближаться к научному взгляду на мир и жизнь.

Но будет лишь приближаться, поскольку начертанный выше путь развития никогда не кончится. В противном случае мы обладали бы законченным в каждой подробности научным взглядом на мир и жизнь. Поэтому такой взгляд точно так же никогда не станет уделом человека, как никогда не станет таковым безупречное завершение вообще какой-либо науки. Науки существуют, пока живут, а пока живут – развиваются. Мы действительно не знаем науку, которая была бы окончательно завершена, образовав при этом замкнутую целостность. Науки не только постоянно обогащаются новыми открытиями, но иногда перестраивают также и свои основания, как на наших глазах это происходит, например, в физике. А если всякая наука постоянно развивается, если каждая из наук никогда не может сказать о себе, что она завершилась в своём развитии и больше не подвержена никаким изменениям, то ещё менее можно требовать от научного взгляда на мир, чтобы он когда-нибудь явился нам в законченном виде. Более того, можно осознать, почему прогресс в области научного взгляда на жизнь и мир столь медлителен, так непомерно медлителен, что некоторые вообще не замечают его и говорят о застое. Однако тот, кто обратит внимание на пограничье между философией и специальными науками, тот не будет подвержен такому пессимизму. А поэтому, наблюдая происходящую в этом пограничье работу, он поймёт, каким образом философское общество может, начертавши на своём знамени лозунг научного критицизма и критической науки, сотрудничать в формировании взгляда на мир и жизнь. Работая в области отдельных философских дисциплин, это общество может одновременно участвовать в работе, происходящей на различных участках пограничья, благодаря которой элементы метафизического взгляда на жизнь – в той мере, в какой они этого заслуживают, – станут научными. Эта работа не удовлетворит испытываемую человеком потребность обладания научным взглядом на мир и жизнь, поскольку работа по созданию этого взгляда будет продолжаться до тех пор, пока будет продолжаться научная работа человека; зато она может удовлетворить другую существенную потребность человеческого разума, а именно – потребность поиска истины, потребность тем сильнее чувствуемую, чем более насущны беспокоящие нас проблемы. Ища истины, Польское философское общество работало на протяжении первых двадцати пяти лет своего существования; поискам истины будет посвящена также и последующая его работа!

Перевод с польского *Бориса Домбровского*